

МУРЗИЛКА

ОГИЗ — ДЕТГИЗ

ИЮНЬ 1935

№ 6

XIX 63
11

Библиотека
имени
В. И. Ленина

Поздравляем всех-всех ребят с концом учебного года и переходом в следующий класс.

А „отличникам“ — наш особый привет.

Пишите нам о своих летних приключениях, о своих находках в горах, в поле, в лесу.

Осенью мы напечатаем карту с приключениями наших читателей.

Редакция

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Лоритта — рассказ А. Некрасова, худ. А. Ермолаев	1
В голубом просторе — с картины худ. А. А. Рылова	6
Открытки из жарких стран — М. Поляновский, худ. Б. Берендгоф	7
Знаменитые корабли — рисунки худ. В. Голицына	10—11
Садко — стихи Е. Благиной, худ. К. Кузнецов	12
Лиса и гуси — сказка братьев Гримм, худ. Д. Горлов	16
Песня — стихи З. Александровой, худ. М. Михаэлис	17
Знаешь ли ты? — Н. Плавильщиков, худ. В. Ватагин	18
Колесный пароход (самоделка) — А. Абрамов	20
Отгадки на Трошкины загадки	
Морской бой — игра	
Как Трошка поплавал немножко — худ. А. Каневский	
<i>На обложке рисунок художника Г. Нисского</i>	

МУРЗИЛКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ
МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ГОД ИЗДАНИЯ ДВЕНАДЦАТЫЙ

ИЮНЬ 1935

№ 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ — ДЕТГИЗ. Адрес: Москва, Б. Черкасский, 7. Тел. 71-86

XV 63
II

Лоритта

А. Некрасов
Худ. А. Ермолаев

Ветер стих. Солнце пекло так, что хоть назад в кочегарку беги. Я вышел отдохнуть на палубу и устроился в тени, а Гарри Вуд разлегся на солнышке. Его жара не берет. Он настоящий негр. Только он давным-давно живет во Владивостоке и по-русски здорово говорит — в темноте не узнаешь, что негр.

Вдруг видим, на палубу поднимается человек ростом вдвое меньше Гарри, нос крючком, а наряжен, как на маскарад.

В жарких странах все ходят в белом, а этот — в синих штанах, в бархатной куртке, на голове черная шляпа, а на шее шелковый шарф. И руки у этого чудака заняты. В одной — сундук, в другой — клетка. А в клетке — попугай. Серый, некрасивый.

Гарри сообразил. Говорит:

— Знаешь, это шарманщик. Только зачем его к нам на судно пустили?

Тут подошел капитан. Подразнил пальцем попугая и повел шарманщика к нашему кубрику. Мы вскочили — и за ним. Приходим, а он уже устраивается. Клетку к потолку подвесил, сундук задвинул под койку и шарф размотал.

Я тихонько спросил:

— Товарищ капитан, это кто?

— А это новый кочегар в вашу вахту. Вот знакомьтесь, — сказал капитан и ушел.

Кочегаров у нас нехватало. Мы с Гарри вдвоем стояли у трех котлов. Кое-как справлялись, но последнее время стали сдавать.

Мы сели на койку и смотрим на нового кочегара. А он подошел ко мне, потом к Гарри, крепко пожал нам руки и каждому сказал:

— Антонио Рорри.

Потом показывает на попугая и звонко так говорит:

— Лоритта.

— Bravo, Рорри, bravo! — закричал попугай, и мы все трое расхохотались. И сразу почему-то этот Рорри показался нам таким добрым, таким весе-

лым. Попробовали с ним говорить: оказалось, что он итальянец и ничего не понимает ни по-русски, ни по-английски. Только смеется.

К 12 часам ночи мы стали собираться на вахту.

Итальянец спал. Попугай тоже спал.

Я принес чистую спецовку для новичка, а Гарри тронул его за плечо, чтобы разбудить. Как это попугай заметил, не знаю. Только он вдруг встрепенулся и закричал на весь кубрик:

— Аванти, Рорри! — Это значит: „Поднимайся, Рорри!“

Рорри вскочил, забормотал по-итальянски и вытащил из сундука какие-то лохмотья. Я ему даю спецовку, а он достал бумажник, показывает — пусто, мол. Насилу я ему растолковал, что спецовку у нас выдают бесплатно. Наконец он стал одеваться. А мы с Гарри пошли в кочегарку. Время было без одной минуты двенадцать, а опаздывать на вахту нехорошо.

Мы решили дать новичку средний котел. Там работать легче — уголь ближе.

Наконец пришел наш итальянец в новой спецовке.

Гарри достал рукавички, подал ему и стал было объяснять, как чистят топку. А Рорри кивнул: „Знаю, мол!“ и взял ломик.

Ломик — это только название. А по-настоящему надо бы называть ломилце: это железная дубина, в два метра длиной и в три пуда весом. Им, как кочергой, шевелят жар в топках.

С ломиком в руках Рорри опять оказался карликом. Но держал ломик ловко и с рукавичками распорядился по-настоящему: правую надел, левую сложил вдвое и подвернул под ладонь. Хорошие кочегары всегда так делают, это удобнее. Мы сразу поняли, что не в первый раз попал человек в кочегарку.

Взяли ломики и стали чистить топки. Из всей кочегарской работы это самое трудное дело.

Из открытых топок валит жар. В кочегарке гарь, дым, зола. Дышать трудно. И отдохнуть нельзя: надо чистить скорее, а то котел остынет. Здесь и сноровка и сила нужны.

Я боялся за Рорри. Думал, не справится. Я решил так: кончу свою топку и ему помогу. Но, смотрю, он раньше меня кончил: я у своей только дверцу закрыл, а он уже золу откидывает.

Вижу, и Гарри тоже глазам не верит. Заглянули в топку — вычищено отлично, по всем правилам. Вот тебе и шарманщик! А он смотрит на нас и смеется.

Нам прямо стыдно стало. Я в восемнадцать лет гнул копейки, а Гарри — тот настоящий силач. Над ним смеялись, говорили, что он напрасно плавает кочегаром. Лучше, мол, поступил бы в цирк или уж, на худой конец, куда-нибудь вместо подъемного крана...

Потом откидали золу в угол. Залили ее водой, чтобы не пылила, подмели. Вентиляторы вытянули дым. Чисто стало в кочегарке и тихо. Только пламя в котлах гудит.

Рорри сел на кучу угля и крикнул на всю кочегарку:

— Лоритта!

А сверху, с решеток, точно эхо:

— Антонио, браво!

И смотрим, между труб, между решеток кувыркается попугай и прямо к нему на плечо.

Гарри сверкнул зубами и тоже, как попугай, закричал:

— Лоритта, браво!

А попугай посмотрел на него, цокнул два раза и серьезно так отвечает:

— Браво!

На следующую вахту мы с Гарри приналегли. Но Рорри хоть и маленький, а не сдавался. Наша вахта работала лучше всех. Другие кочегары в шутку говорили: „Разве с ними справишься? Они вчетвером стоят. Им Лоритта помогает“.

Да, пожалуй, она нам и вправду помогала. Как крикнет свое „браво!“ — сразу весело становится. А раз весело, значит легко.

Лоритту все полюбили, и она к нам привыкла. А с Гарри они просто подружились. То ли потому, что он черный, то ли потому, что он больше всех ее баловал, но только она из всей команды выбрала его. И на плечо к нему садилась, и за ухом его щеконала, и даже выучилась кричать:

— Гарри Вуд, bravo!

И, главное, ни разу не спутала — знала, кто Гарри, кто Рорри.

Рорри тоже все полюбили. Он оказался очень веселым. В свободное время он пел итальянские песни, показывал фокусы и танцевал тарантеллу со своим шарфом. Он стал понимать по-русски и сам пробовал говорить.

До Владивостока осталось дней десять хода. Мы стояли на вахте. Рорри что-то рассказывал. Он очень смешно путал слова, и мы покатывались со смеху. Вдруг над котлом засвистело, завыло. Откуда-то вырвался белый горячий пар. В кочегарке стало, как в бане. Из машины прибежал механик. Он кричал, спрашивал, что случилось. Но мы и сами не знали. Хлещет пар, а откуда, — не видно.

Гарри первый догадался, что лопнуло водомерное стекло. Он бросился к котлу и полез закрывать кран.

Шум сразу стих. Потом пар рассеялся, и тут мы увидели Гарри: он, скорчившись, лежал у котла и тихонько стонал.

— Что с тобой, Гарри? — крикнул я. И вдруг сверху, с решеток, кубарем скатилась Лоритта. Она уселась прямо к нему на плечо и на всю кочегарку:

— Bravo, Гарри Вуд, bravo!

Я обозлился, замахнулся на попугая. Но Гарри улыбнулся и сквозь зубы сказал:

— Ничего, обварило немножко.

Мы вынесли Гарри на палубу. Капитан посмотрел и сказал, что без врача не обойтись. А у нас врача не было, пришлось повернуть к берегу. Три часа спустя наш пароход зашел в маленький французский порт.

Мы подняли сигнал: „Нужен врач“. На портовом катере приехал доктор, толстый француз в очках. Он осмотрел Гарри и сказал, что его придется положить в больницу.

Рорри с попугаем на плече не отходил от Гарри. Он по-французски говорил с доктором, а Лоритта цокала и свистела. Потом замолчала, прислушалась, что они говорят, и вдруг ни

с того ни с сего закричала:

— Док-док-док-доктор, bravo!

Доктор рассмеялся, похвалил попугая. Потом он ушел с капитаном, и мы стали спускать Гарри в шлюпку. Ему сделалось плохо. Поднялся жар, он бредил и просил пить. Рорри подавал ему воду, а сам плакал. Плакал по-настоящему, как маленький.

Потом отправили Гарри на берег. Рорри на автомобиле увез его в больницу. Лоритта тоже поехала с ними. А назад Рорри вернулся без попугая.

Мы вдвоем остались на вахте. Кое-как справлялись, но ломики казались нам вдвое тяжелее. Другой раз Рорри вытрет пот со лба и по привычке:

— Лоритта!

Но никто не откликнулся с решеток.

Рейс затянулся. Вместо десяти дней мы проплавали три месяца. За это время Рорри почти выучился по-русски и рассказал о себе. Он, оказывается, плавал на итальянском пароходе и был коммунистом. А фашисты узнали это, избили его и бросили в чужом порту. Он чуть не умер от голода, пока, на его счастье, не пришел наш пароход. Потом он вспоминал свою Лоритту. Рассказывал, как она хорошо говорила по-итальянски, и глаза у него блестели от слез.

Мне было очень жалко Рорри, но в таком деле разве поможешь? Я ведь тоже не знал, где Лоритта, и сам скучал без нее и без Гарри.

Наконец наш пароход пришел во Владивосток. Пришли ночью и встали на якорь. Не терпелось нам поскорее сойти на берег, но до утра никого не пускали.

Мы с Рорри вышли на палубу. Вдруг слышим, стучит весло и подходит шлюпка. Минуту спустя кто-то поднялся на судно. Я чиркнул спичку и вдруг вижу Гарри. Не выдержал, приехал к нам в гости.

Рорри бросился ему на шею, обнимает его, целует. Потом мы утащили Гарри к себе в кубрик и принялись

расспрашивать. Он, оказывается, полтора месяца пролежал в больнице, поправился, потом сел на английский пароход и пассажиром приехал домой.

Вдруг Рорри спрашивает:

— Пассажиром? Стой, Гарри, где ты взял столько денег? Ты получил то, что я тебе оставил?

— Ты чудак, — ответил Гарри. — Разве советского моряка бросят без денег в чужом порту? Денег у меня было много, и твои деньги я тоже получил. Спасибо, я получил твой фунт¹ и смеялся.

— Смеялся? — вскочил Рорри. — Как смеялся? Я продал Лоритту этому толстому французу, а ты смеялся? Ты смеялся, а я плакал! — закричал он и ушел.

Я скорее отослал Гарри домой, а утром решил помирить их. Но Рорри и слышать об этом не хотел.

— Я продал Лоритту, а он смеялся! — твердил он. — Нет, это не товарищ! Смеялся!

Тогда я обманул Рорри. Повел его к Гарри, а сказал, что веду к себе. Гарри сам открыл нам дверь. Рорри увидел его, повернулся, хотел уйти. Он бы и ушел, наверное, но Гарри крикнул:

¹ У нас деньги считают на рубли, а в Англии на фунты. Фунт на наши деньги стоит приблизительно пять рублей.

— Стой, Рорри!

А из угла, точно эхо:

— Антонио, браво, браво, браво!

Рорри уставился в угол. Там в новой красивой клетке на кольце качался попугай.

— Лоритта! — крикнул Рорри.

— Антонио, браво! — ответил попугай.

— Я купил ее у доктора за четыре фунта, — сказал Гарри. — Он жил рядом с больницей, я сразу узнал Лоритту и догадался, в чем дело. Я насилу упрямил продать ее мне.

— Четыре фунта! — рассердился Рорри. — Этот доктор — жулик. Он дал мне один фунт и говорил, что это очень дорого. Ты получил этот фунт, а теперь еще три за мной. Я покупаю у тебя Лоритту. Хочешь, я дам пять фунтов?

Тут уж Гарри обиделся.

— За кого ты меня принимаешь? Что я, лавочник, что ли? — сердито сказал он. Потом вспомнил, что Рорри первый раз в Советском союзе, оскалил зубы и весело расхохотался.

Рорри не обиделся. Он тоже улыбнулся. А Лоритта повернула голову боком, посмотрела на Рорри одним глазом и крикнула:

— Попка дурак! Попка дурак!

Это, должно быть, ее Гарри выучил. Раньше она так не умела.

С картины художника А. А. Рылова.

Эта картина находится в Государственной
Третьяковской галерее в Москве.

„В голубом просторе“.

Мраморное море
6 октября 1934 года

Десять дней назад мы вышли из Севастополя. Прошли ночь, день и еще ночь — и мы уже в Турции. Далеко нам ехать — из Черного моря в Тихий океан.

Наш путь лежит через одиннадцать морей и два океана — в жаркие страны, под тропики.

Там, у берегов Тихого океана, наш пароход „Серго Орджоникидзе“ возьмет груз серебра, свинца и цинка.

Сегодня мы вошли в Мраморное море. Приближаемся к Египту. Становится жарко. Нельзя поверить, что теперь октябрь. Душно. Не хочется писать. Следующую открытку ждите из Египта.

Открытки из жарких стран

Макс Поляновский
Худ. Б. Берендгоф

Средиземное море
9 октября 1934 года

Становится все жарче. Моряки сбросили одежду и остались в одних трусиках.

Капитан Михаил Никифорович Стрелков стоял на мостике и смотрел на карту.

— Скоро придем в Египет, — сказал он. — Там еще жарче будет. — И вытер полотенцем пот с лица и шеи. Вдруг что-то зашевелилось у него на голове. Капитан протянул руку и... снял живую белогрудую ласточку. Птичка спокойно сидела у него в руках. И тут мы увидели, что весь пароход усеян ласточками. Птицы сидели на палубе, на перилах, на мачтах. Они залетали в каюты, они забирались на умывальнички, на полки с книгами.

Ласточки совершали осенний перелет в теплые страны. Они были утомлены долгим беспосадочным полетом. Птицы заметили наш пароход и тотчас опустились на него. Их мучили голод и жажда. Они до того устали, бедняги, что им трудно было ловить даже мух.

Свободные от вахты моряки решили помочь ласточкам. Они отправились на ловлю мух в столовую и в камбуз. Другие набирали в рот пресную воду и прямо изо рта поили птиц.

Достаточно было показать издали зажатую между пальцев муху — ласточка подлетала и выклевывала свою добычу.

Но вдруг ласточки всполошились. С пронзительным щебетом они заметались над пароходом. Они прятались под лебедки и брезент. Мы посмотрели наверх. Над пароходом парил кобчик. Вдруг кобчик ринулся вниз и схватил ласточку. Он унес ее на верхушку мачты, и тотчас же оттуда, как снег, посыпались белые перышки.

На рассвете, отдохнув и подкрепившись, ласточки снова пустились в путь.

Только самые слабые из них не выдержали перелета и погибли. В моей каюте одна ласточка так и осталась жить.

До следующего моря!

*Красное море
15 октября 1934 года*

Шестые сутки мы идем между пустыней Сахарой и Аравией. Пышет зноем от берегов. Африканское солнце палит всю. Целый день на палубе льет душ. Но он не охлаждает: вода теплая, как чай.

После вахты черные от сажи кочегары

зачеркнули морской воды. Они думали, что в море вода холоднее.

— Тридцать пять градусов! — закричал кочегар.

Жарко не только людям, но и судовым свиньям. Свинью Машку и кабана Петьку сморил тропический зной. Петька увидел душ и стал под струю. Улегся — и доволен.

Тут подошла Марья Ивановна. Она поглядела и завизжала: подвинься, мол, Петр, дай-ка и мне прилечь.

Петька уступил Машке место. Теперь наши свиньи каждый день блаженствуют под душем. Иной раз даже выгонять их приходится, чтобы помыться.

12 октября ночью пароходу пришлось стать на якорь в открытом море.

Приближался рассвет. Вдруг мы услышали тяжелые всплески и барахтанье за кормой: под пароходом резвилась и кувыркалась в воде большая стая акул. Возле акул плыли большие серые рыбы. Кажется, они показывали акулам путь. Вероятно, за это их зовут „лоцманами“.

Мы стали бросать акулам куски мяса, рыбу и всякие отбросы. Они с жадностью пожирали все, что летело с борта.

Наши моряки решили поймать акулу. На громадный крючок они нанизали кусок мяса весом с кило. Акула бросилась на приманку. Боцман с тремя матросами стали тащить канат. Уже появилась над водой острая акулья голова с круглой зубастой пастью. Но тут канат затрещал и оборвался — он не выдержал двадцатипудовой тяжести.

Тогда помощник капитана Мушков выстрелил в акулу из револьвера. Раз, другой, третий — ни одного промаха. Но акула продолжала вертеться вокруг добычи. Еще две пули попали в нее. Из акульей спины

били пять красных фонтанов, но она нырнула, схватила приманку и отплыла дальше. Видно, акулу пулей не прошибешь. Слой жира у нее слишком велик.

*Аравийское море
24 октября 1934 года*

Над нами небо, под нами вода. В каютах никто не живет. Всех повыгоняла духота. Спим на палубе, на юте. Даже ночь не приносит прохлады. Зноен воздух, и ветер проносится теплый, песчаный.

Черна тропическая ночь. С кормы не видишь носа парохода. Но вот зажигаются ходовые огни. В этой темноте они кажутся особенно яркими. И вдруг в разных концах парохода что-то звонко шлепается на палубу.

Побежал, смотрю — рыба.

Так вот они каковы — летающие рыбы! Днем мы видели с борта, как проносились они над водой. Они поднимались высоко и долго держались в воздухе. Их плавники во время полета распускались, как птичьи крылья. Они прозрачны и на солнце отливали зелено-розовым, будто крылья стрекозы. Говорят, что рыбаки ловят летучую рыбу на огонь. Они ставят на свои шлюпки фонарики, и рыба сама летит на свет. Она и к нам залетала на свет ходовых огней. Темной ночью мы выходили на „промысел“. Глухой удар о палубу. Еще удар. Зажжешь электрический фонарик и шарить. Так и есть — „летучка“. Но ни одной летучей рыбы живьем взять нам не удалось. Залетая на палубу, они разбиваются от сильного удара о железо.

*Коломбо.
1 ноября 1934 года*

Наш пароход пришел в Коломбо — главный город Цейлона. Мы увидели кокосовые пальмы, чайные деревья. Встретили темнокожих сингалезов и тамиллов — жителей острова, — одетых в одни легкие

юбки. Здесь круглый год жарко, и им не нужна другая одежда.

Через несколько минут наш пароход оцепили торговцы на шлюпках. С криком наперебой они предлагали нам свои товары: кокосовые орехи, ананасы, бананы, деревянных слонов и множество живых обезьян. Мы разглядывали слонов, пробовали ананасы, смотрели, как прыгали в шлюпках ловкие маленькие обезьяны. Капитан купил одну обезьяну. Матросы в шутку прозвали ее помощником капитана.

Новый „помощник“ Яшка скоро сдружился с командой. Яшка любил бананы и ананасы. Он ловко чистил их и уплетал за обе щеки.

— А что ты станешь делать, Яша, когда мы в СССР приедем? Где мы тебе, Яша, бананов достанем?

Яшка глядел и моргал глазами.

— И без бананов обойдется, привыкнет, — сказал капитан. — Он уже привыкать стал. Вчера у меня в каюте целую пачку жевательного табаку съел.

Все рассмеялись.

Яшка тоже заулыбался, завертелся и быстро-быстро взобрался на самый верх огромной мачты.

— Слезай вниз, Яшка, — разобьешься! — кричали матросы.

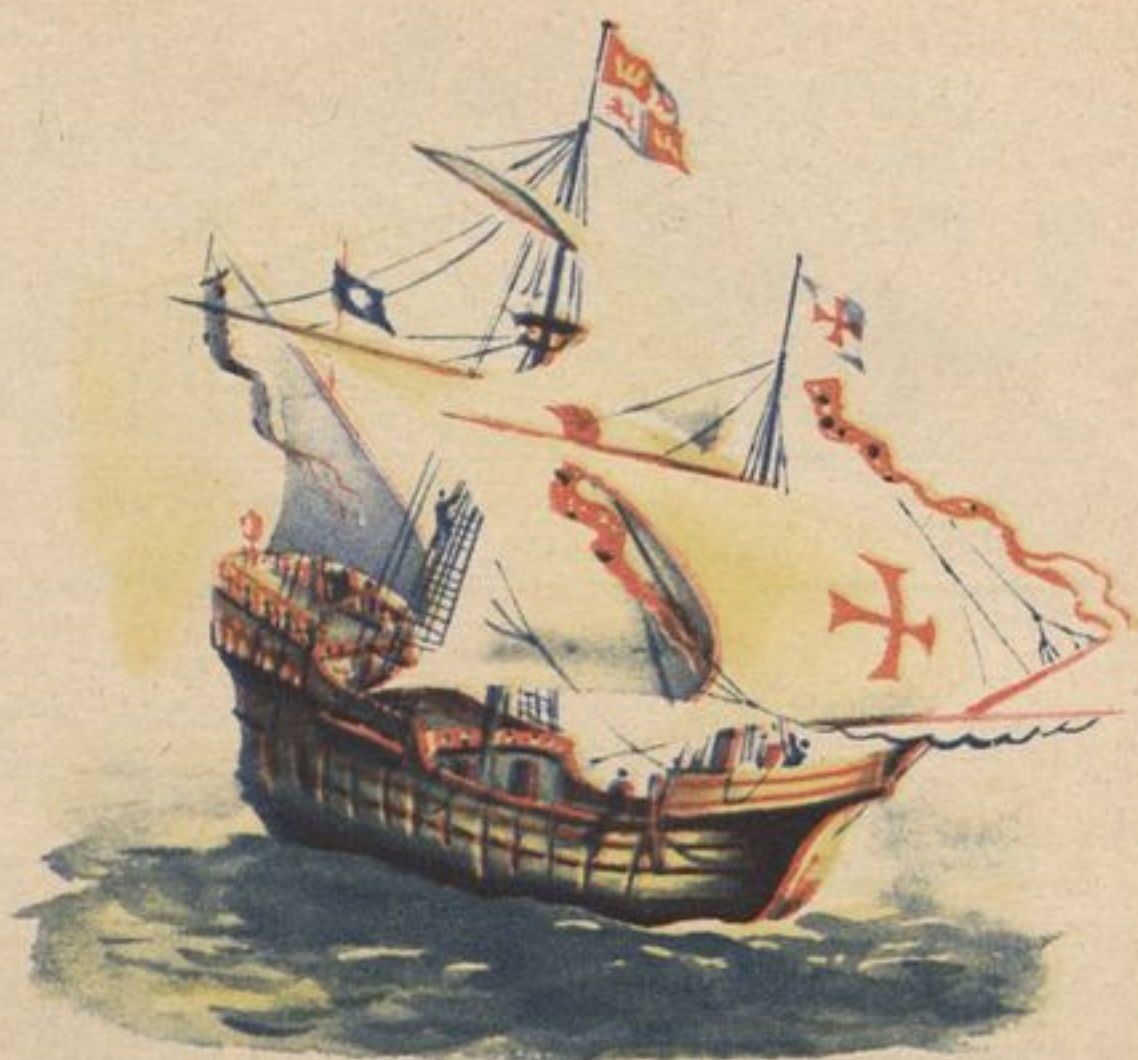
Но Яша превосходно устроился на верхушке мачты и оттуда плевал вниз, норовя попасть в спину свинье Машке.

ЗНАМЕНИТЫЕ

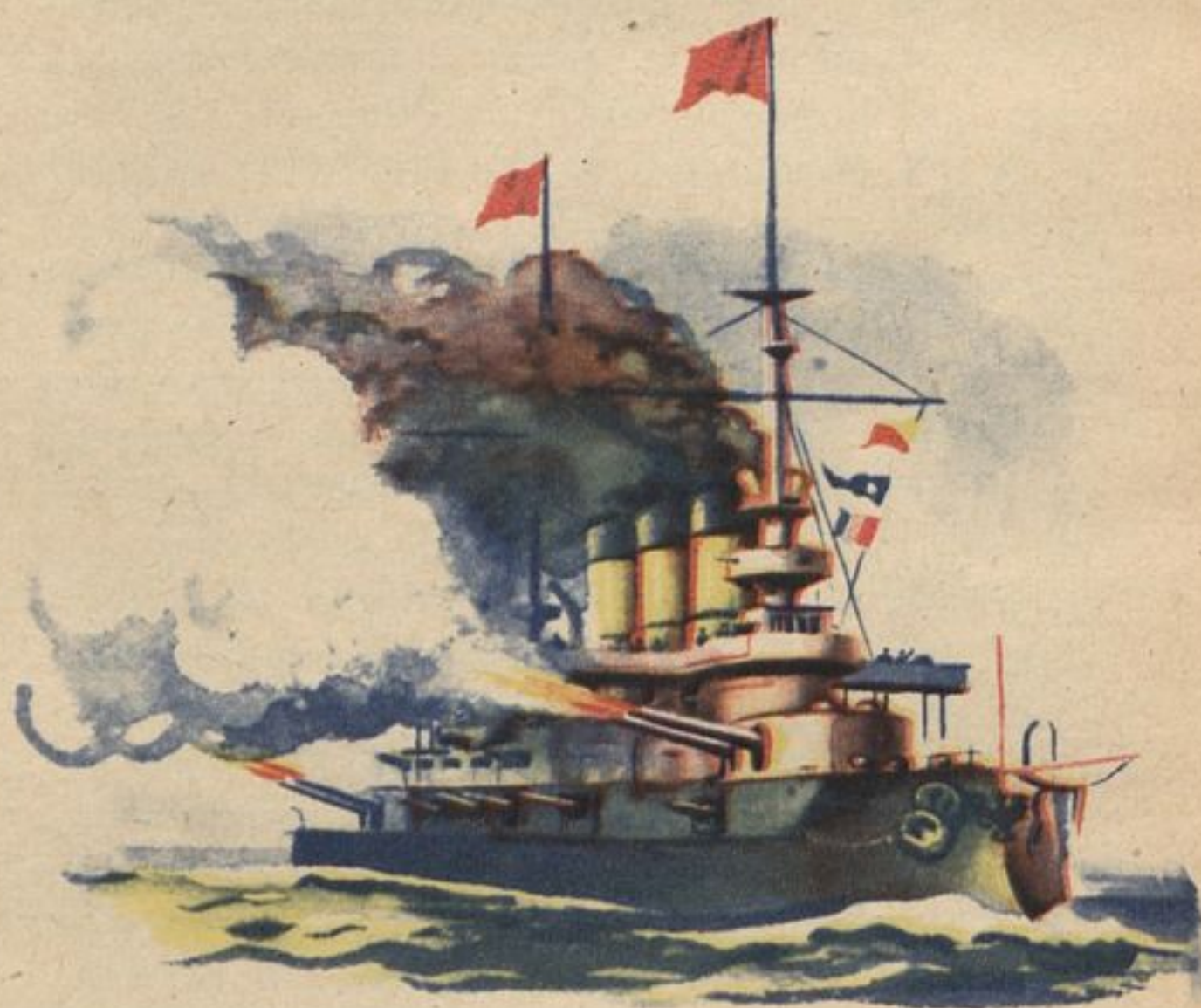
Это корабль „АРГО“. Есть такая легенда. Когда люди научились плавать на гребных судах, пятьдесят храбрецов в древней Греции снарядили этот корабль и поплыли к берегам Черного моря, в сказочную страну Колхиду. Там, по слухам, было зарыто золотое руно — так называли баранью шкурку в золотых завитках.

На этом корабле знаменитый мореплаватель ХРИСТОФОР КОЛУМБ 440 лет тому назад отплыл из Испании на запад. Назывался такой корабль — каравелла. Колумб решил доплыть до Индии. Там, по рассказам, было много золота, драгоценных камней. Через три месяца Колумб достиг неизвестной земли. Это была Америка.

Самый сильный ледокол в мире — советский ледокол „КРАСИН“. Он пробивает в ледяных полях Полярного моря дорогу нашим судам. В 1928 году бесстрашная команда „Красина“ спасла погибавшую во льдах итальянскую экспедицию.

Это броненосец „КНЯЗЬ ПОТЕМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ“. На этом корабле в Черном море, близ Одессы, матросы подняли восстание против царя и царского правительства. Это было тридцать лет тому назад — в июне 1905 года.

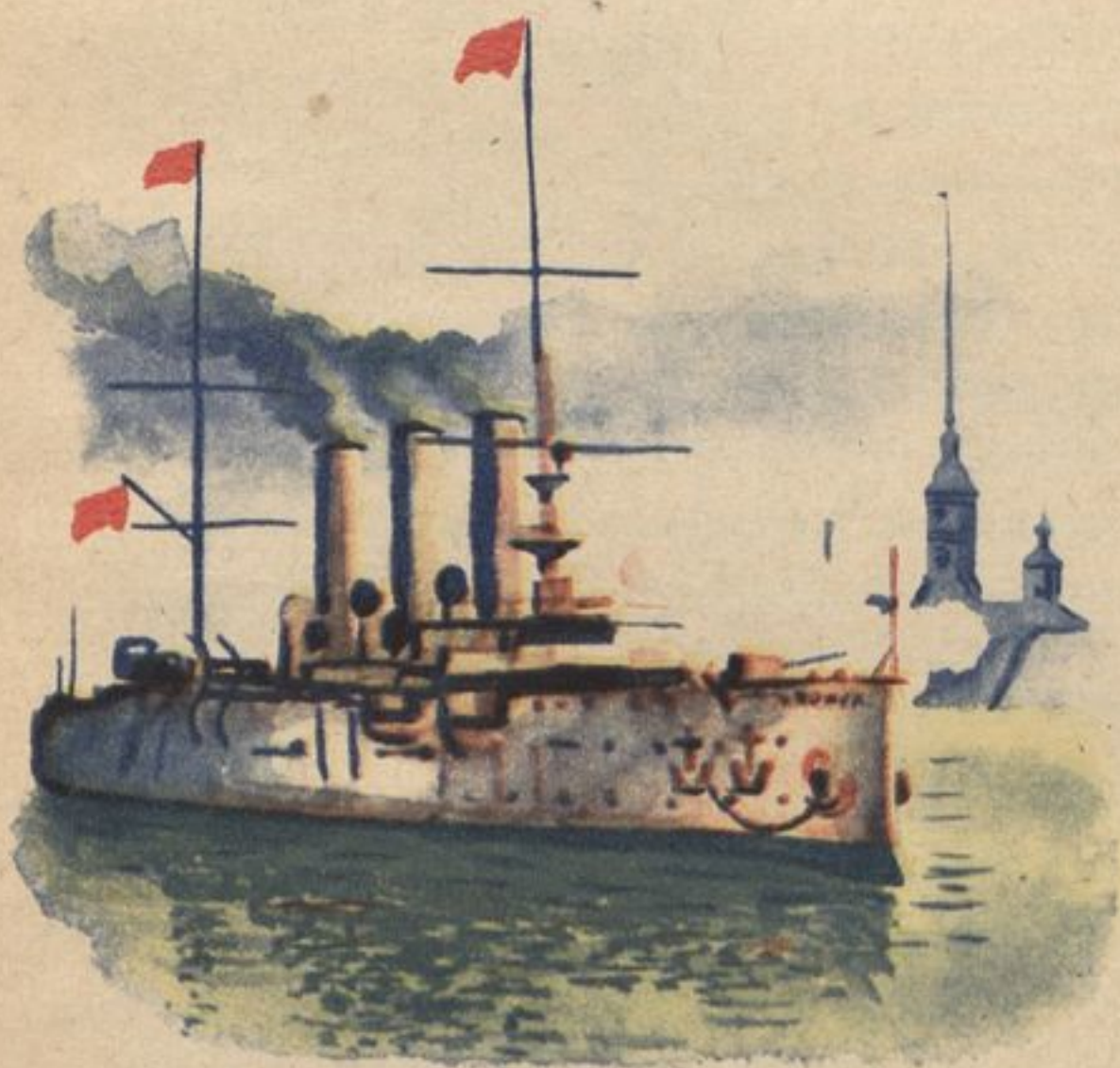
(Рассказ о восстании потемкинцев прочтешь в „Мурзилке“ № 8.)

Это русский парусный корабль — фрегат „НАДЕЖДА“. На этом корабле сто тридцать лет тому назад русские моряки под командой адмирала Крузенштейна впервые совершили кругосветное путешествие.

Первый пароход — „КЛЕРМОНТ“ Его построил американский инженер Фултон сто тридцать лет тому назад. Когда он совершал первый рейс, никто не осмелился сесть на него. На обратном пути Фултон вез только одного смелого пассажира.

Знаменитый крейсер Балтийского флота „АВРОРА“ В ночь на 25 октября 1917 года этот крейсер подошел к Зимнему дворцу и обстрелял дворец. Там укрывалось правительство капиталистов и помещиков. После выстрелов „Авроры“ дворец был взят революционными войсками и рабочими.

О „ЧЕЛЮСКИНЕ“ ты и сам, наверное, знаешь. Дойдя почти до конца Великого северного пути, „Челюскин“ был сжат и раздавлен льдами Полярного моря. Он погиб в 1934 году 13 февраля.

Всех челюскинцев спасли герои Советского Союза.

И теперь славные челюскинцы, во главе с товарищем Шмидтом, успешно борются за Великий северный морской путь.

Е. Благинина
Худ. К. Кузнецов

Садко

(Отрывки из поэмы)

ЛЕДОКОЛ

При царе, на север дальний,
позабывший и печальный,
до краев его земли
редко плыли корабли...
Как-то раз в июле, что ли,
плыл помор в рыбацкой ёле¹
и увидел — в бухту шел,
чуть качаясь, ледокол.
Статный, крепко оснащенный,
ярким солнцем освещенный,
пеня брызги высоко,
в бухту шел корабль „Садко“.
Близок путь его, далек ли?
Стекла вспыхнули в бинокле:
то на мостике суров
капитан стоял Серов.

Вез он разных пассажиров:
двух купцов, обросших жиром,
губернатора седого,
инженера молодого,
архиерея в клобуке,
с толстой палкою в руке.
Все они спешили к сроку
на Мурманскую дорогу —
открывать ее, — туда
торопились господа.
Все они богато жили,
много ели, много пили,
разгоняя лень и сон,
заводили граммофон
и, живя на корабле,
тосковали о земле.

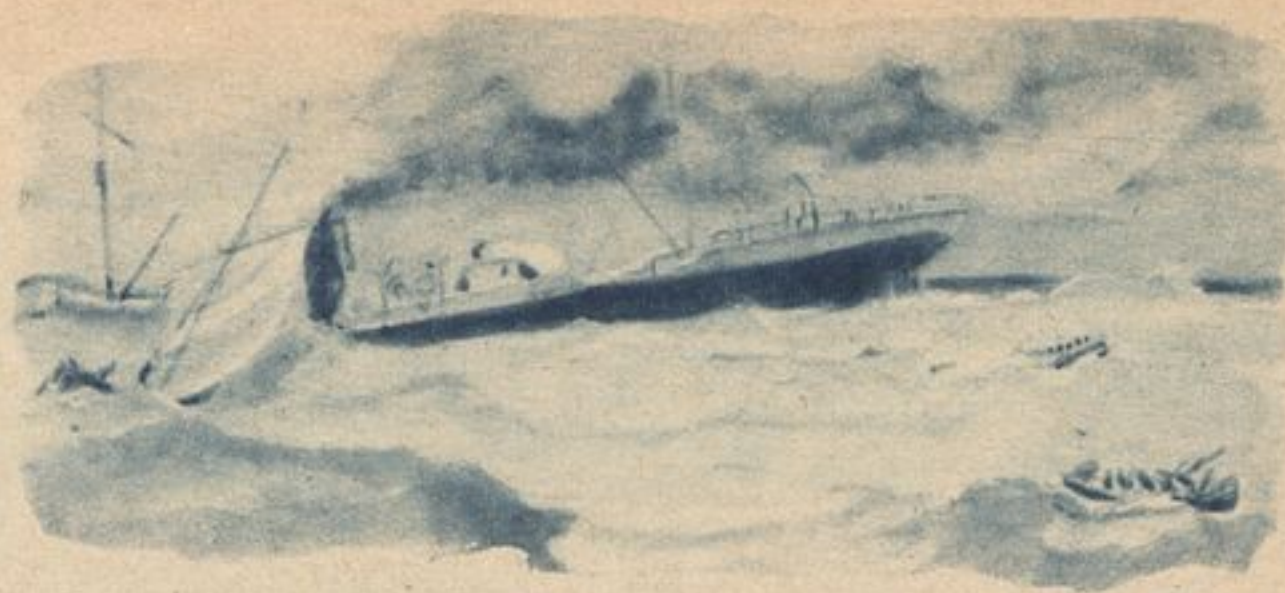
ГИБЕЛЬ „САДКО“

Судно шло. Слегка дрожало.
За кормой волна бежала.
Кандалакша, как дуга,
изогнула берега...
Вдруг „Садко“ рванулся туго,
вздрагнул, будто от испуга.
И, кренясь на левый бок,
он дрожал, а плыть не мог.
И заплакала сирена,

от бортов взлетела пена,
нос зарылся глубоко,
и застопорил „Садко“.
Все слилось в протяжном гуде;
из кают бежали люди:
кто раздетый, кто в платке,
кто с бутылкою в руке.
Мебель падала, посуда
сыпалась нивесь откуда.
Из распахнутых дверей
мчался бледный архиерей.

¹ Ёла — парусная рыбацкая лодка.

Громко плача, губернатор
бил носком в иллюминатор,
а купцы от перепуга
навалились друг на друга.
И орал на весь салон
позабытый граммофон.
Вдруг сама сирена взвыла
так тревожно и уныло...
Позабывши про улов,
мчались люди с промыслов.

И, карабкаясь на горы,
долго слышали поморы,
как „Садко“ кричал: „Тону-у-у!“
и потом пошел ко дну.

„САДКО“ НА ДНЕ

Годы шли... И север царский
стал страной пролетарской.
До краев его земли
часто ходят корабли.
А „Садко“ лежит, не дышит.
Море зыбь над ним колышет.
Он лежит на дне морском,
занесло его песком,
затянуло вязким илом.
И в молчании унылом
ледокол похож на труп.
Сколько раковин у труб!

Сколько тьмы в любой каюте!
Сколько ржавчины на юте!¹
И повсюду сыро, слизь,—
водоросли выросли.
Уж давно огнями жарко
не пылает кочегарка.
Пар в цилиндрах не свистит,
медь на трапах не блестит...
Все спокойно, тишина...
И как слезы солона
И как вечер зелена,
Разливается волна.

ДВАДЦАТЬ БРАТЦЕВ

Жили-были двадцать братцев,
двадцать сталинцев-кронштадтцев,
двадцать храбрых моряков,
молодых большевиков.
Их начальник по заслугам
слыл товарищем и другом.
Больше дела своего
не любил он ничего.
Был он маленького роста,
говорил, держался просто.
Был не попусту упрям,
а решителен и прям.
Вот созвал он двадцать братцев,

двадцать сталинцев-кронштадтцев,
и сказал им: „Моряки,
вы надежны и крепки.
Есть залив на карте нашей—
он зовется Кандалакшей.
В том заливе глубоко
затонул корабль „Садко“.
Я считаю—безрассудно
не спасти такое судно!
Уж семнадцать лет оно
в море похоронено“.
И сказали хором братцы,
знаменитые кронштадтцы:
„Мы считаем, что оно
скоро будет спасено!“

¹ Ют — кормовая часть корабля.

„ДЕКРЕТ“

Теплым золотом заката
скалы убраны богато.
В Кандалакше шум и гром,
брызги пенные столбом.
Ветер к вечеру крепчает,
на волне корабль качает.
Кораблю немало лет,
а зовут его „Декрет“.
У „Декрета“ голос трудный,
хриплый, жалобный, простудный,
и туманы, и шторма
помнит старая корма.

На боках сто двадцать вмятин,
двести сорок бурых пятен,
а заплат — не перечесть:
столько их повсюду есть.
Вот на этой-то посуде,
как в котле, кипели люди.
Шестьдесят бессонных дней
провели они на ней.
Все одним желаньем полны:
одолеть бы эти волны,
чтобы дрогнул и пошел
на понтонах ледокол.

ПЕСНЯ О ВОДОЛАЗЕ

Готовься к спуску, водолаз,
скафандр и шлем одень!
Готовься к спуску, водолаз,—
сегодня трудный день!

Разбив тяжелую волну,
ты бросишься ко дну,
в неслыханную тишину,
в большую глубину.

И только мысли зазвонят,
заплещут, как прибой,
и три конца¹ соединят
товарищей с тобой.
И первым воздух будет течь
живительной струей.
Твою приглушенную речь
нам передаст второй.

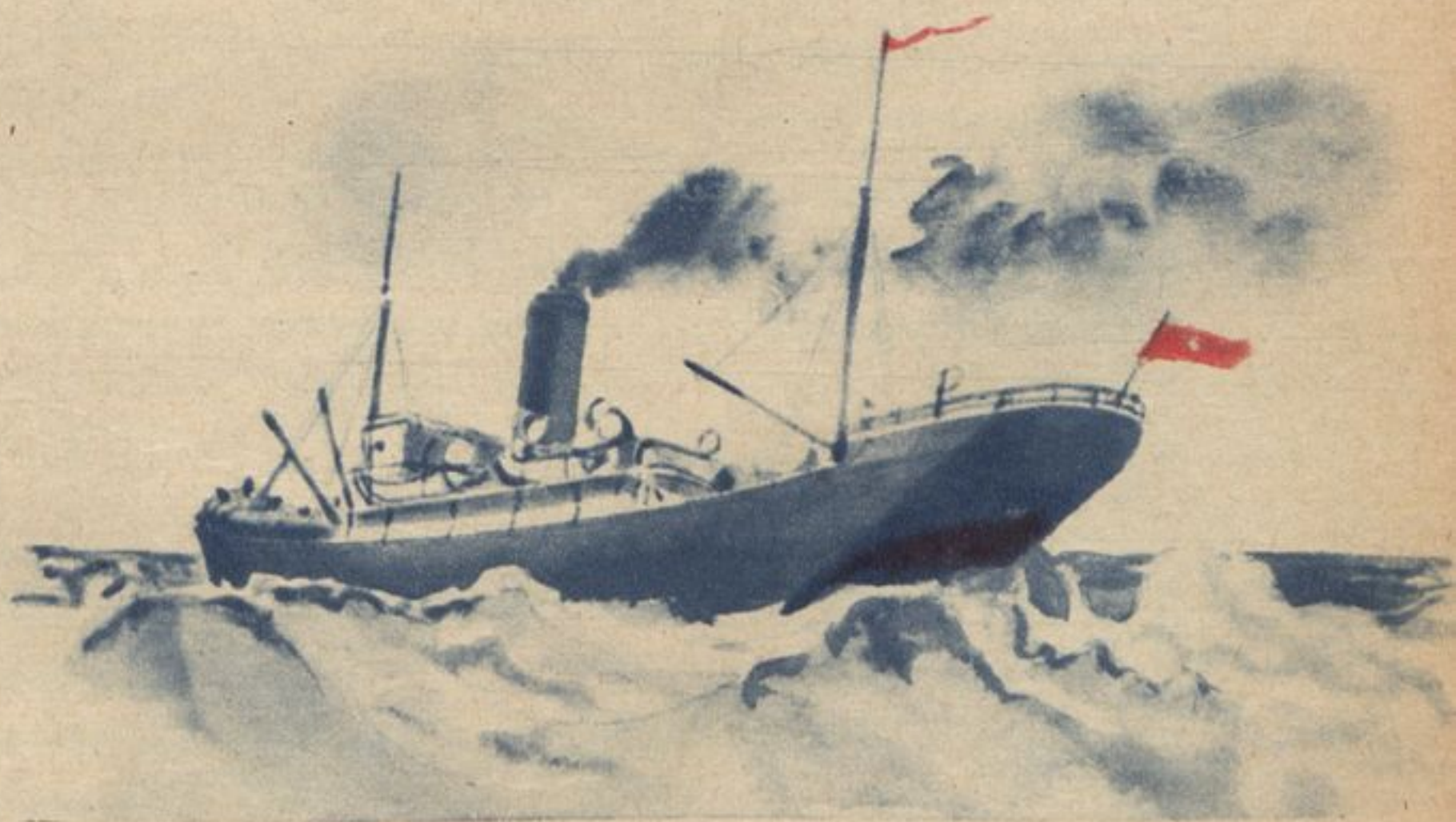
Перебористо и четко
на борту стучит лебедка,
точно змеи расплзлись
шланги, спущенные вниз.
Там внизу большой и сонный,
гибкой сталью оплетенный,
к бочкам накрепко пришит,
ледокол о грунт шуршит.
Вдруг с „Декрета“ закричали,
в бочки воздух накачали.
Бочки грузно подались,
бочки с места сорвались.
Море вздулось, закипело,
бурной пеной зашипело
и, шатая корабли,
раскатилось до земли.
Вслед за этим из залива
тяжело и молчаливо
показался дик и гол
на понтонах ледокол.
Он стоял почти наклонно
и как будто удивленно
озирал просторный свет:
море, небо и „Декрет“.
Что творилось на „Декрете“!
Стали взрослые, как дети...
Все столпились тесным кругом,
обнимаются друг с другом;
в суматохе бедный кок
кашу гречневую сжег.
Все толклись, кричали разом...
А один из водолазов
запустил моторный бот
и уже к „Садко“ плывет.
Вот приплыл, остановился.

А третий вынесет тебя,
когда минует срок,
а третий вынесет тебя
на солнечный припек.
Ты улыбнешься, водолаз,
и скажешь, водолаз:
„Моя работа удалась,
и песня удалась!“

НАШ „САДКО“

Все примолкло. Вдруг забился,
заплескался высоко
флаг советский на „Садко“.

●
Это кто ушел далеко
из Архангельского дока?
У кого из-подо льда
хлещет пенная вода?
Это кто в советском флоте
третий месяц на работе?
Кто отправится в поход
до неведомых широт?
Наш „Садко“ ушел далеко
из Архангельского дока.
У него из-подо льда
хлещет пенная вода.
Третий месяц на работе
наш „Садко“ в советском флоте.
Он готовится в поход
до неведомых широт!

¹ Три конца: 1) шланг — резиновая труба, по которой подается свежий воздух,
2) телефонный провод,
3) веревка, на которой подвешен водолаз.

Худ. Д. Горлов

Лиса и гуси

Сказка БРАТЬЕВ ГРИММ

Пришла однажды лиса на лужок. А на лужке гуси ходили. Хорошие гуси, жирные. Обрадовалась лиса и говорит:

— Вот я сейчас вас всех съем.

А гуси говорят:

— Ты, лиса, добрая, ты, лиса, хорошая, не ешь, пожалей нас.

— Нет, — говорит лиса, — не буду жалеть, всех съем.

Что тут делать?

Тогда один гусь говорит:

— Позволь, лиса, нам перед смертью только одну песню спеть, а как споем песню, так и ешь нас; мы сами в ряд встанем, чтобы тебе легче было выбирать, кто пожирнее.

— Ну, ладно, — говорит лиса, — пойте.

Начал первый гусь петь свою песню. А песня была вот какая: — Га-га-га-га!

А второй гусь ему подпевать начал: — Га-га-га-га!

А третий за ним: — Га-га-га-га-га-га!

А четвертый за третьим: — Га-га-га-га-га-га-га!

А пятый за четвертым: — Га-га-га-га-га-га-га-га-га!

И стали все гуси вместе кричать: — Га-га-га-га-га-га-га-га-га-га-га-га-га-га-га!

А как кончат гуси петь, так и сказка кончится и лиса их съест. Но только гуси те умные, они и сейчас еще кричат: — Га-га-га-га!

З. Александрова
Худ. М. Михаэлис

песня

Бескозырка белая, матросский воротник.
Октябрята смелые спросили напрямик:

— Какого, парень, года,
с какого парохода
и на каких морях
ты побывал, моряк?

Ленты за плечами, как флаги за кормой.
Ребятам отвечает товарищ звеновой:

— Мы — друзья Освода,
недавно из похода.
Одиннадцать недель
гостили на воде.

Было нас в команде двенадцать человек,
мы прошли двенадцать непроходимых рек.

Моторка на приколе, —
мы помогаем в поле.
Моторка, полный ход!
Веселый был поход!

С водопадов падали, сидели на мели,
а сколько мы приятелей хороших завели!

А сколько песен спели!
А сколько рыбы съели!
Одних пятнистых щук
поймали сорок штук.

Когда мы станем старше и призовут наш год,
мы всей командой нашей пойдём служить во флот.

Палубы качаются,
матери прощаются,
сморкаются в платки.
Счастливо, моряки!

Знаешь ли ты

Н. Плавильщиков
Худ. В. Ватагин

1. Какая рыба похожа на воронку?

Посмотри на рисунок. Правда, занятная рыбка? У нее большая пасть и что-то вроде длинного крысиного хвоста. А туловища и совсем не видать. Зовут эту рыбу большеротом. Живет она на дне океана, на большой глубине. Большерот не плавает. Зароется он в песок, а наружу свою воронку выставит. Ждет час, ждет другой. Подплывает близко добыча — хлопнет большерот своей пастью и сыт.

2. Что такое морская звезда?

Это такое животное. Живет оно на дне моря. Посмотри на рисунок: оно и вправду вроде звезды. Снаружи звезда покрыта крепкой одеждой — панцырем из извести. Рот у нее снизу, посередине. Она тихонько ползет по дну, наткнется на улитку — съест ее. Оторви у морской звезды один луч — вместо него новый вырастет. Есть звезды, у которых из оторванного луча вырастает новая морская звезда. Первое время такая звезда презанятная: большой луч, а к нему словно крохотная звезда приделана. Такая звезда и на звезду не похожа. Ее и зовут не звездой, а кометой.

3. У какого рака ноги длиннее твоих?

Есть такой рак, зовут его крабом. Живет этот большущий краб в Японском море. У него каждая нога не меньше метра длиной. А если растянуть ему ноги в стороны, то от конца одной ноги до конца другой будет метра три. На рисунке — японский краб, а около него наш речной рак. Рак кажется совсем крошкой, а уменьшили для рисунка и его и краба одинаково. Вот и сообрази, какая громадина этот краб. Хорошо еще, что клешни у него не по росту маленькие. А то он мог бы клешней отхватить руку.

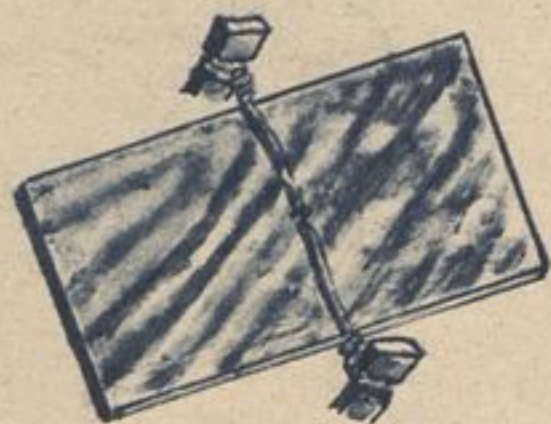
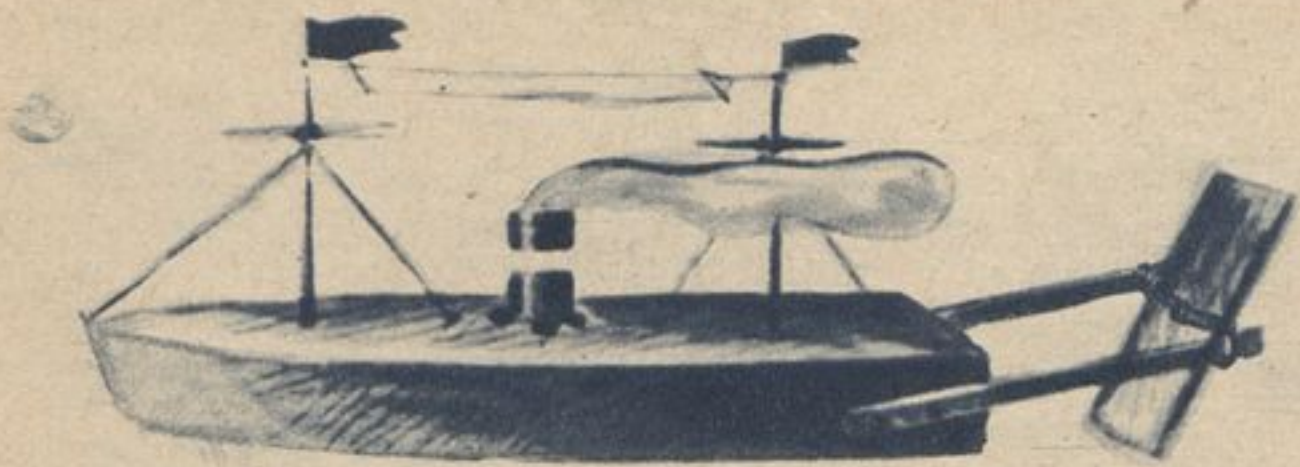
4. Кого зовут морским чортом?

Почему эту рыбу чортом прозвали, никто не знает. Зовут эту рыбу еще и рыболов. Это правильное прозвище. Рыболов ловит рыбу. На голове у него длинные отростки, словно хлысты. На одном хлысте даже вроде флажка есть. Лежит рыболов на дне, песком сверху прикрывается — не видно его. Только хлысты наружу торчат и шевелятся. Плывет мимо рыбка. Увидит — шевелится что-то, подплывет посмотреть. Тут ее рыболов и словит.

5. Кто из морских животных самый чистый?

Морской еж — родственник морской звезды. Тело у него — словно шар или комок. Оно покрыто длинными известковыми иглами, и колючий он, словно наш лесной ежик. У него между иглами набивается всякая грязь. Казалось бы, морской еж всегда грязный. А он чистенький, словно только что из бани вышел. Кроме простых игл, у него есть особые иглы: с щипчиками на конце. Этими щипчиками морской еж снимает с себя всю грязь. И хоть ползает он по илу, по грязи на дне, а сам всегда чистенький.

КОЛЕСНЫЙ ПАРОХОД

А. Абрамов

Очень просто сделать самому колесный пароход. Материалов нужно всего: кусок толстой доски, две тоненькие палочки, два резиновых кольца, которыми в аптеках прикрепляют рецепты к бутылочкам, кусок фанеры и несколько гвоздиков.

Готовый пароход показан на рисунке. Сзади, у кормы парохода, прибиты две палочки. На палочки надеты резиновые кольца, а между ними вставлен кусок фанеры и посередине привязан ниткой.

Если закрутить фанерку, закрутятся резинки; пустить пароход на воду — резинки станут раскручиваться, фанерка будет бить по воде, и пароход пойдет.

И в настоящих речных пароходах ставят иногда колеса сзади. Это, когда река очень узкая и колеса сбоку парохода не дают ему плыть.

Пароход можно сделать длиной с карандаш. Палочки для „гребного колеса“ (для фанерки) длиной с половину карандаша, а размер фанерки подберите сами. Тут нельзя заранее сказать.

Возьмите три резиновых кольца. Фанерка должна быть длиннее, чем при двух кольцах. Ведь раз резиновый „мотор“ сильнее, значит он может сильнее грести. А поставите одно кольцо, и фанерку придется взять маленькую — мотор слаб.

Одно только важно: между фанеркой и палочками должно быть расстояние не меньше толщины двух карандашей. Иначе резинкам негде будет закручиваться, и, едва повернете фанерку несколько раз, они лопнут.

Попробуйте привязывать фанерки разной длины.

Подберите такую, чтобы она медленно била по воде. Тогда пароход дальше пройдет.

Когда все испытаете, пристройте трубу, мачты, выкрасьте пароход масляной краской и смело пускайте.

ОТГАДКИ НА ТРОШКИНЫ ЗАГАДКИ

(смотри „Мурзилку“ № 3)

1. Мальчик змея запускает.

2. В теннис девушка играет.

3. Школьник пишет „ноль“ мелком.

4. Маляры год потолком.

МОРСКОЙ БОЙ

(Игра)

Два мальчика сидели за столом. И хотя это были обыкновенные мальчики — называли они друг друга: военмор и адмирал. Военмор командовал флотом красных, а адмирал вел в бой флот синих.

Флот был нарисован у каждого на листе бумаги, на квадрате.

У каждого была карта военных сил.

Вот такая:

И каждый командир расположил на своем квадрате флот, как хотел, не показывая противнику. Допустим вот так:

4 ПОДВОДН. ЛОДКИ

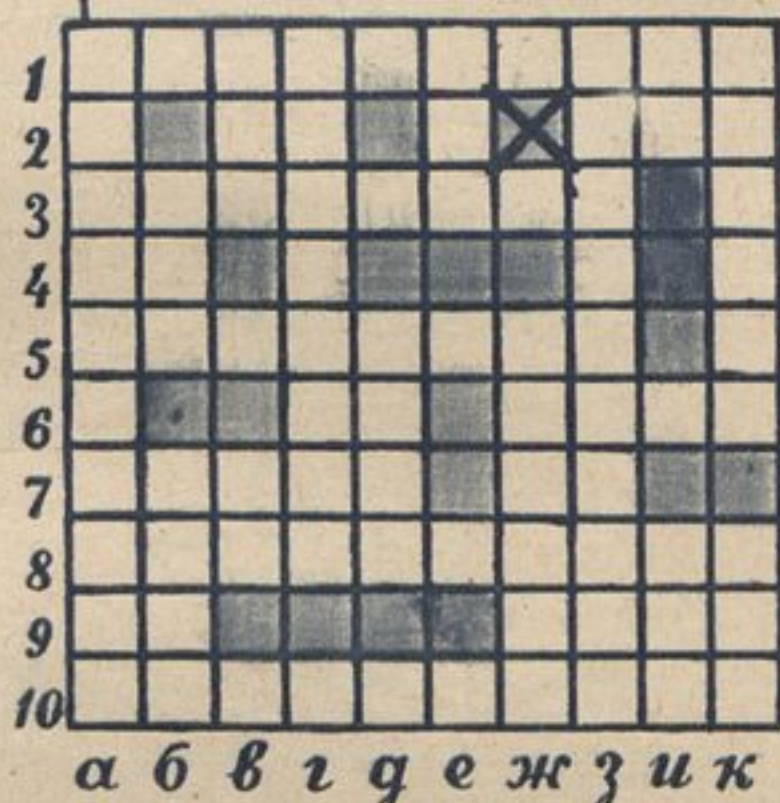
3 МИНОНОСЦА

2 КРЕЙСЕРА

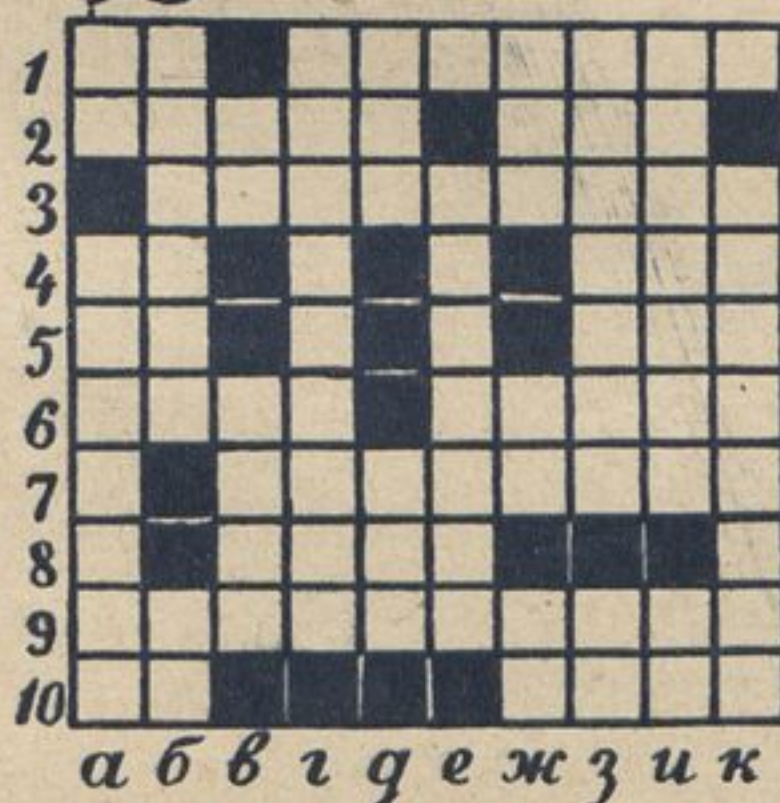
1 ДРЕДНОУТ

В флот военмора

А флот адмирала

Первым выстрелил военмор.

— Прицел бв! — командовал он.

— Эх, попал! — крикнул адмирал. — Подбита канонерка. — И крестиком пометил подбитую канонерку.

Военмор таким же крестиком пометил попадание в своей карте военных сил. И приготовился к новому выстрелу. Он рассчитал: подбитая канонерка занимает две клетки, значит надо целить в соседнюю клетку, чтоб пустить канонерку ко дну. Он дал команду:

— По канонерке прицел бг. Пли!

И промахнулся.

Теперь очередь была за адмиралом синих. Он выстрелил в клетку 2ж и пустил ко дну

подводную лодку. Военмор пометил ее крестом.

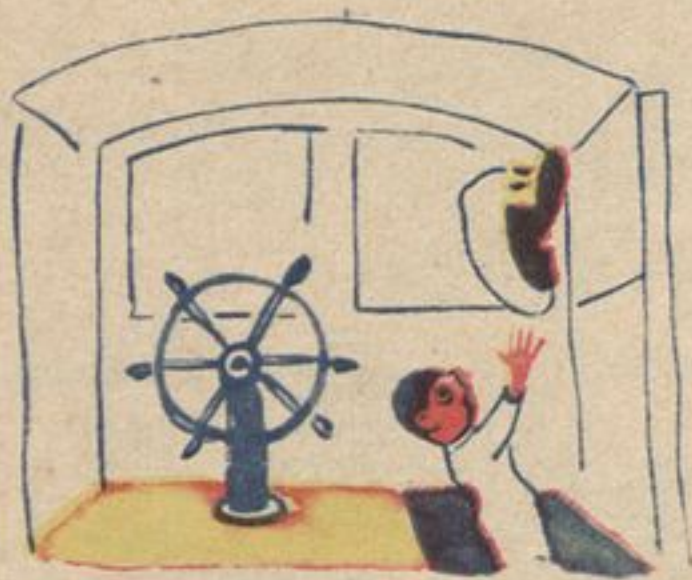
Перестрелка продолжалась. При следующем выстреле адмирал промахнулся. Тогда военмор выстрелил в клетку 4в и потопил подбитую канонерку.

Победил в бою тот, кто первый пустил ко дну неприятельский флот.

Каждый из вас может провести морской бой за столом. Для этого надо только два листа клетчатой бумаги и два карандаша.

Побеждать всегда будет тот, кто будет метко целиться, запомнит свои попадания и догадается, как расположен флот противника.

КАК ТРОШКА ПОПЛАВАЛ НЕМНОЖКО

1. Трошка однажды корабль обошел и у штурвала фуражку нашел. Трошка напялил ее кое-как. Думает: „Что же! Я тоже моряк!“

2. Вот он скомандовал: „Лево руля!“ И покачнулась легонько земля. Сходни убрали, гудок загудел. Трошка отважно вперед поглядел.

4. Трошка попал в проходящую лодку, Трошка разинул широкую глотку, важно скомандовал: „Право руля!“ Бац — и вломился в корму корабля.

3. Трошка следит за волною кипящей... Вдруг капитан прибежал настоящий. „Я, — говорит, — посажу вас в тюрьму!“ Трошка с испуга нырнул за корму.

5. Лодка разбилась. Гребец уплывает. Трошку соленой водой заливает, а с корабля увидели — кричат: „Чьи это ноги из моря торчат?“

6. Вдруг появилось осведовцев трое. Быстро спасли они Трошку-героя. Следом за Трошкой выплыл гребец. Тут похождениям Трошки конец.